

Почему Белый работает на разложение самостоятельного фронта? Ясно. Ответ напрашивается сам собой. Это выгодно врагам Казачества. Белому, нажившему на спекуляции казачьим имением состояние, выгодно, чтобы казачье движение развалилось, не перед кем будет отвечать. А его состояние — это не преувеличение, не миф, а факт, документально доказуемый.

И, вот, этот Белый, скорее Серый, позволяет

себе обвинять честных борцов за казачество, кричит о своей неподкупности, о своем стопроцентном казакомастве, о своем патриотизме, о своей честности. Это — Игнат то Белый и — честность и неподкупность! Какой ужас, до чего мы дожили.

Игнат Белый и — неподкупность... Мир перевернулся вверх дном.

Ш. БАЛИНОВ.

По вольноказачьим округам

На пути из Праги в Братиславу лежит большой город Брно, центр Моравии. В годы расцвета чехословацкой «русской акции» в местном техникуме и других высших учебных заведениях учились тысячи молодых российских эмигрантов различных национальностей. Количество учащихся здесь казаков было значительным. Помню — Общеказачья Студенческая Станция в Брно была одной из больших и влиятельных организаций в жизни Казачества в ЧСР.

Появление в 1927 году журнала «Вольное Казачество» внесло бурю в мирную жизнь организации казачьей учащейся молодежи в Брно. Студенческое казачество здесь активно реагировало «за» и «против» Вольного Казачества. Талантливый поэт, острый на язык, но тщедушный Юрий Гончаров, во главе значительной группы молодых казачьих националистов, боролся здесь с буйным демагогом, «русским дворянином из шестой книги» А. К. Ленивовым, тогда заядлым русским монархистом... Как жаль, что наш Юрий Федорович так рано умер и не получил через каких-нибудь два года большого морального удовлетворения, когда враг его преградился в друга...

Когда наша брненская молодежь начала оканчивать школы, тогдашний Центральный Комитет ВК около десятка человек устроил по специальности в другое государство. Были отправлены: Асеев, Жучонков, Сутулов, Тулаев, бр. Анцуповы, Муравьев, Павлов, Бигдай, В. Поляков, последним, кажется, Штовхань и Филиппонков. К сожалению, в жизни ВК эти молодые люди, ограничившись личным устройством, до сих пор не принимают никакого участия.

Исключение оставили только Тулаев и Штовхань, которые, в меру сил и понимания, проявляют деятельность. Только недавно, на страницах «Казакки», неожиданно, с удовольствием увидел я некоторые полузабытые имена. Будем надеяться, что эти молодые казачьи специали-

сты, в конечном счете, пригодятся своему народу — Казачеству.

Из оставшихся брненцев некоторые тогда же были взяты в Прагу, в центр, как Гончаров и Поляков. К. Уменьшившись в своем числе, вольноказачья группа в Брно отмежевалась от «русских» казаков, организовала свой курень и зажила своей организационной жизнью, держа связь с центром. Они заложили казачий сокол из 5 человек, выработали казачью сокольскую форму (весьма приличную и оригинальную, между прочим), несколько раз выступали публично, вызывая всеобщее внимание.

Остановившись в Брно на несколько часов, я повидался здесь с несколькими старыми соратниками. И здесь уже нет прежней страсти вокруг идейных вопросов. Время стабилизировало и здесь Вольное Казачество. Есть случаи, когда «русские» казаки, «не теряя своего лица», входят в организацию вольных казаков, и — наоборот. Будет ли этот процесс в пользу нашей идеи или обратно, сказать еще нельзя. Все зависит от силы убежденности человека, его идейной подкованности. Кто крепче убежден, кто до конца усвоил и проникся идеей, тот только и влияет на среду. За кратким временем, я не успел в Брно увидеться со всеми, с кем хотелось.

Несмотря на то, что в Братиславу я приехал не в тот день и не в указанный час, все же первым делом я увидел на станции нашего общего секретаря, встретившего меня укором:

— Кто-же так ездит, чорт подери!? А что если тебя пришлось бы встречать с почетным караулом — заморил бы солдат!..

Не могу скрывать, что больше десятка лет совместной культурной и политической работы, наш смелый шаг в сторону ВК, десятилетняя работа в нем с различными перипетиями, сблизил меня с Бальковым. Наша дружба еще больше окрепла с тех пор, как наши имена все чаще

стали упоминаться рядом «друзьями» внешними и внутренними. Поэтому наши встречи всегда бывают искренни и радостны.

Зная, в каких тяжелых материальных условиях ему приходится работать последние три года, я ожидал увидеть его наглядно обедневшим, физически и духовно надломленным. Но приятно ошибся. Я увидел ту же солидную фигуру, колеблющуюся между 80-ю и 90 кило, и все еще слосно одетую. Я угадываю на нем тот же серый костюм, сшитый в Праге в 30-х годах, который еще в сохранности. Только голова поседела за последние четыре года...

— Скажите брatisлавам; передайте центру; поговорите в Брatisлаве — не раз слышат и в Праге и в Брно, и у меня заранее создается некое такое настроение, которое испытывает человек, одущий из далекой провинции в центр.

И действительно, — хоть весьма скромны обстановка и помещенье канцелярии нашего Центрального Правления и редакции «Казакии», но атмосферы центра некоего серьезного дела тут нельзя не ощущать. Хоть эта маленькая комнатка в односкатном помещении, построенном на собственные средства нашим Председателем, и является квартирой нашего секретаря с его семьей, но канцелярия, дух канцелярии поглощает все: громадный некрашеный досчатый шкаф без дверей весь забит журналами, папками, книгами, матрицами, газетами и прочим; на одном столе большая, старая пишущая машинка, под столом размножитель, на стене флаг Казакии, портрет местного Президента, а на другом столе груда исписанных бумаг, папка пришедших писем, папка писем запечатанных, с адресами в разные страны, печати, штемпеля...

Невольно вспоминаю просторные и богато обставленные апартаменты редактора «Вольного Казачества» в Париже, где всегда безлюдье и тишина и на ролях прислуги редактора на цыпочках ходит... супруга секретаря редакции!...

К вечеру, когда, освободившись от дневных занятий, пришли в канцелярию Иван Иванович Безуглов — Председатель, и Григорий Леонтьевич Еременко — Замред, Центр. Правление начинает функционировать. Но на этот раз секретаря напрасно пытается совать им пришедшую и уходящую почту; раз'ездной член Ц.П., приехавший из Парижа и об'езжающий округа — поглощает на этот раз внимание центра.

Делаю доклад о положении дел в Париже; вообще, вспоминаю встречи и беседы в Праге и Брно. Скромный ужин, старательно приготовленный нашей редакторшей, и весь вечер незаметно пролетают в оживленной беседе. Ви-

жу, что наш центр в курсе дел своих и чужих, знает положение на местах, многими нитями связан с вольноказачьим рассеянием.

Я не хочу хвалить наш центр, ибо знаю, что иные люди скажут, но считаю долгом заявить, что недаром наш центр четвертый год не выходит из Брatisлавы, несмотря на явное желание брatisлавцев избавиться охотно от обязанности центра. Вижу, что наша брatisлавская тройка, пожалуй, самое удачное сочетание характеров и способностей. Едва ли в ином каком месте мог бы просуществовать наш центр столько лет и в таких условиях. В наше время, когда каждый грош дается с трудом, а кругом столько соблазнов, — трудно руководить общественной работой, требующей и добровольной дисциплины и материальной жертвы. Не мудрено, что многие националисты, доселе казавшиеся активными, потихоньку смываются в задние ряды. Испытание жертвенностью первое средство распознавания людей в идейном деле.

Брatisлавы искренни, активны, идейно бескомпромиссны. Всякие вопросы откровенно и шумно обсуждают. Если приходится поспорить, все-же находят какое-то общее положение, которое удовлетворяет всех, а неудовлетворившийся, видимо, умеет вспомнить единственный принцип коллективной дисциплины — мнение большинства.

Случилось так, что при мне пришло письмо из Софии, в котором один из тамошних наших соратников предлагал Ц.П., наряду с публичным приглашением в журнале, дослать непосредственно письменные приглашения в том числе и редактору журнала «ВК». (Некоторые казаки наввно верили до последнего, что Б. может откинуться на приглашение и приехать на с'езд!). Среди членов центра началась дискуссия, да такая, что мне казалось — всему конец. Думал, что в центре настал кризис. Каково же было мое приятное удивление, когда после полуторачасового шумного спора наша тройка центра пришла к общему решению, и дальше продолжалась мирная и дружеская беседа.

Думаю, что почти четыре года совместной работы, которая была богата острыми моментами, выработали у них твердый молчаливый принцип, при котором и во время горячих дебатов люди не выходят из рамок и помнят об общем деле. Это — большое достижение. Без этого не может быть коллективного центра...

Вдосталь наговорившись с членами центра по всем нашим важным вопросам, проспав четыре ночи на редакционном столе, я выехал, нагруженный снедью и питьем, из Брatisлавы в Белград.

Небольшой, аккуратный и чистенький пароходик «Сатурн» тихо плыв по величественному Дунаю, медленно раскрывая взору прибрежные картины. Оставляя Братиславу, я не думал, что еще раз вернусь сюда из Белграда, чтобы вы-

тянуть у нашего бедного центра 200 крои на дорогу в другое государство.

А хорошо плыть по Дунаю, на верхней палубе парохода, в солнечный весенний день, среди незнакомых людей, погруженный в свои думы и мысли!..

Жизнь на нашей родине по словам живого свидетеля

Сотруднику журнала «Казакия» инж. Д. Н. Еременко случайно пришлось встретиться и долго, и подробно разговаривать с человеком, который только летом этого года приехал в ЧСР из Советской России. Это не из тех путешественников, которые, проехавшись две недели по СССР, согласно составленному большевиками маршруту, нагляделись на специальные «показательные» предприятия и сооружения, наслушавшись коммуниста толкователя, выносят об СССР, восторженные впечатления и по возвращении домой делятся ими с своими соотечественниками.

Собеседник сотрудника «Казакии» человек, прибывший в Россию, в качестве военнопленного «австрияка», в 1915 году и пробывший под советской властью 20 лет, занимая различные низовые должности в различных областях советского государственного предприятия, вращаясь как в среде народа вольного и колхозного, так и среди рядовых коммунистов. А кроме того, человек этот жил в наших краях, на Дону, пастухом у коннозаводчика Пищванова сперва, т. е. до революции, а после революции жил в Ростове и в Азове.

Показание этого живого свидетеля обширны и чрезвычайно для нас интересны. Инж. Д. Еременко их изложил в форме интервью на полсотнях страниц. Показания эти будут печататься в журнале «Казакия», начиная с 25-го номера в нескольких номерах. Мы здесь приводим только самую существенную часть в нашем изложении, в той части, которая печатается в «Казакии».

В общем, рассказы эти о подлинной картине жизни народов под коммунистической властью ничуть не расходятся с рассказами бр. Солоневичей, супругов Чернавиных и др. недавних выходцев «с того света». Разница только в том, что этот выходец человек из другого круга, из низов и иностранец, прибывший на свою родину и уже не имеющий никаких интересов в дальнейшей судьбе России. Если бр. Солоневичей некоторые круги русской эмиграции по-

дозревают в партийном пристрастии, то этого нельзя пришить к нашему информатору.

Жизнь рабочего класса в СССР несравнимо хуже, тяжелее жизни рабочих в любой, даже самой отсталой стране Европы. Разница эта настолько велика, что здешние, европейские рабочие отказываются верить всему тому, что рассказывает этот человек, ибо им не верится, чтобы люди могли 20 лет мириться с такой тяжелой жизнью. Наоборот — говорит этот возвращенец — в России рабочие не поверили бы рассказам о жизни рабочих в Европе, ибо они уже не имеют представления об иной жизни.

Зарботная плата советского рабочего на всех ступенях и видах промышленности далеко не удовлетворяет самых насущных потребностей человека; ее не хватает даже на сносное питание. Вечная бедность, вечная забота о желудке и одежде настолько озлобили советского трудового человека, что достаточно малейшего толчка, чтобы весь российский люд поднялся на коммунистическую власть. В этом случае, по рассказам этого иностранца, коммунистам грозит поголовное истребление и ничто и никто не будет в силах предотвратить эту резню.

Убожество жизни и самая насущная потребность досыта поесть заставляют людей изворачиваться и прибегать к различным ухищрениям, чтобы увеличить заработок. Первым делом все крадут, начиная от директора и кончая поваром. Кто выше, тот крадет больше. Ревизию не направляют положение, а наоборот прикрывают и узаконяют. Все официальные отчеты и доклады раздуты. Тут полное и неперемное очковтирательство.

Ненависть между беспартийным рабочим слоем и коммунистами настолько остра, что, несмотря на ужасный террор и расправы, часто вырывается наружу и вызывает столкновения. Коммунисты знают эту ненависть, чувствуют неизбежность конца, но, как и всякая узурпаторская власть, не собираются добровольно покидать захваченные командные высоты. Иностранец этот приводит много примеров, иллюстри-